

В.И. Шаховский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.

**EMOTIVENESS OF THE LITERARY TEXT
(ON THE BASIS OF THE PROSE BY CHARLES DICKENS)**

Т.А. Mezentseva

Ekaterinburg

The article deals with the specifics of the formation of text emotiveness in literary texts. Textual analysis is based on the text of the novel «The Posthumous Papers of the Pickwick Club» by Charles Dickens.

Key words: *text emotiveness, a literary text, emotive lexics, emotive phraseological units, emotive syntax units, Charles Dickens.*

Об авторе:

МЕЗЕНЦЕВА Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков, Екатеринбург, *e-mail:* tanya_mezentseva@mail.ru.

УДК 81'367

**БЕЗЛИЧНЫЕ ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ:
НЕ «БЕЗЛИЧНЫЕ» И НЕ «ПАССИВНЫЕ»**

И.М. Некрасова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь

В статье предлагается контрастивный анализ безличного пассива в немецком языке, *it*-пассива в английском и пассивной формы с «неканоническим подлежащим» в русском языках. Семантический анализ выявляет их общие признаки – отсутствие пациенса в ролевой структуре предложения и сему «личность агенса» на референциальном уровне.

Ключевые слова: *безличный пассив, it-пассив, пассивная форма с «неканоническим подлежащим», агенс, пациенс, референциальный уровень.*

Согласно традиционной классификации, в современном немецком языке встречаются не только двучленные и трехчленные пассивные конструкции (ПК), но и одночленный, или «безличный» пассив, который образуется с глаголом *werden*. Последний термин связан со структурной особенностью этой конструкции – позиция подлежащего представлена безличным местоимением: *Es wird heute getanzt*. Вместе с тем, употребление местоимения *es* в одночленной ПК иное, чем в сочетании с безличными глаголами (*es regnet*); оно служит коррелятом в препозиции, а не формальным подлежащим и поэтому может быть опущено в середине предложения: *Es wird heute getanzt* → *Heute wird getanzt*. Еще одно важное отличие от пассива заключается в том, что рассматриваемая конструкция образуется от переходных и непереходных глаголов, обозначающих человеческую деятельность, т.е. содержит сему «личность агенса», которая является необходимым условием для образо-

вания ПК без подлежащего, например:

(1) *Bei Leni wurde verbunden, gewaschen, gegessen, getrunken, geschlafen, geheilt.* (AS)

Таким образом, различие между личным и безличным пассивом касается не только формы подлежащего, оно лежит на семантическом уровне. Г. Хельбиг и Г. Штарке предлагают вообще отказаться от термина «безличный пассив», подобно тому как в немецкой грамматике не различают «личный» и «безличный» актив, хотя предложения без подлежащего (в форме им. падежа) встречаются и в действительном залоге: *Während des Essens wurde ihr schlecht* [Starke 1985: 65]. Р. Ружичка объединяет указанные глаголы в особый класс «неэргативных глаголов с внешним аргументом» [Ruzička 1989: 350]. Этой особенностью одночленного пассива одни лингвисты объясняют его семантическое сходство с активной конструкцией, содержащей неопределенно-личное местоимение *man* (О.И. Москальская, В.Г. Адмони, Е.И. Шендельс); другие – отсутствие у него пассивного значения, в связи с чем исключают одночленную ПК из категории залога (Н. Glinz, W. Schmidt).

Мы разделяем точку зрения на то, что сема «личность агенса» сближает значения одночленного пассива и актива с подлежащим *man*. Их семантическое сходство обнаруживается не только благодаря возможности перефразирования:

(2) *Es wurde früher als gewöhnlich zu Mittag gegessen* (TM)

→ *Man hat früher als gewöhnlich zu Mittag gegessen,*

но и при чередовании на синтагматическом уровне:

(3) *Da wird gesungen, gesprungen, gejoht, man fragt, man*

antwortet, gut Wetter, Fußweg, Prosit, Adieu. (HH)

Различие между «нормальным» и одночленным пассивом отчетливо проявляется на глубинном семантическом уровне. В терминах падежной грамматики семантическую структуру двучленной ПК можно описать следующим образом: глагол в ПК всегда представляет ситуацию как состояние или процесс: (4) *X ist eingeladen* – Что происходит с X? (ситуация – состояние, X – пациент); (5) *X wird eingeladen* (процесс, «вхождение» в состояние, X – пациент).

Аналогичные пары пассивных форм представлены в русском языке: (6) *X приглашается* – *X приглашен* и в английском языке: (7) *X is invited* – *X is being invited*.

В одночленной ПК глагольное слово-центр, напротив, выражает деятельность – «нечто, что кто-то делает» [Чейф 1975: 119], подразумевая тем самым деятеля на референциальном уровне: *Es wird getanzt* = *Jemand /man tanzt*; пациент отсутствует в формальной и ролевой структуре предложения. Таким образом, несмотря на формальное сходство предиката, выявляется существенное различие в семантике одночленного и двучленного *werden*-пассива, ср.:

Одночленная ПК

(Agent) ← V действие

Двучленная ПК

Patient ← V процесс

В других языках также встречаются грамматические формы, подобные немецкому «безличному» пассиву. Так, в русском языке известны случаи образования пассивной формы от непереходных глаголов – *накурить, ездить, ходить* и проч., которая получила название «ПК с неканоническим подлежащим»: *В комнате было накурено и душно* [Храковский 1991: 157]. С обычной пассивной формой эту конструкцию сближают семантико-синтаксические свойства, в частности, она может быть распространена агентивным дополнением в твор. падеже: *Об этом уже кем-то упоминалось* [Бондарко 1991: 140]. Выражения типа *в девках сижено – плакано, выдано – выто* изучал и А.А. Потебня; он полагал, что, хотя «страдательная форма причастия здесь уместна<...>, она не имеет вполне страдательного значения» [Потебня 1977: 254-256]. Семантика такого «квазипассива» выявляется в процессе перефразирования, при замещении неопределенно-личным предложением (НЛП), ср.:

(8) *В доме у Анны горел свет, на крыльце было натоптано*

(КП) = ...на крыльце **натоптали**.

Вопрос о семантике НЛП в русском языке был решен благодаря анализу на референциальном уровне, который опирается на фоновые знания ситуации участниками коммуникации и позволяет восстановить субъектный компонент из контекста, т.е. выявить «скрытый» референт: «в НЛП имеется подразумеваемое подлежащее – *третьеличный* нуль, который... может относиться в дискурсе к множеству лиц или к единичному лицу» [Падучева 2012: 28-30]. Референция отражает онтологические свойства актантов – одушевленность /неодушевленность. «Нулевое» подлежащее НЛП, подобно неопределенно-личному местоимению *man* (нем. яз.), имеет своим референтом не просто одушевленное лицо, животное, а именно человека. Так, фраза *За окном мяукали* означает, что звук, свойственный кошкам, издавали люди [там же: 29]. Ср.: *Man singt* уже в старых грамматиках НЯ связывали исключительно с человеческой деятельностью, а не пением дроздов или проч. певчих птиц [Willmanns 1906: 303]. Таким образом, мы можем продолжить перефразирование исходного предложения, которое иллюстрирует отсутствие пациенса и присутствие агенса в семантической структуре предложения:

В доме у Анны горел свет, на крыльце было натоптано

(КП) = ...на крыльце **натоптали** = на крыльце кто-то **натоптал**.

В грамматиках русского языка рассматриваемый тип предложения традиционно относят к безличным структурам на основе исключительно формального признака: форма 3-го лица глагола при отсутствии подлежащего. При этом отмечается, что такие предложения могут выражать «результат человеческой деятельности (*Посеять-то посеяно, да не заборонено*)» или «восприятие различных явлений нашими органами чувств (*слышано-*

услышано, видано, понято)» [Современный русский... 1964: 411]. Критические замечания, касающиеся употребления термина «безличное» в русском языке уже неоднократно звучали, как в отношении предложений типа *Ему не спится*, в которых признак «состояние лица» не может существовать вне его носителя [Золотова 2001: 110], так и по поводу структур с модальным значением - *Следует / нужно говорить правду*, выражающих модально-волевые отношения людей [Некрасова 2014: 46-48]. «Безличность» в собственном смысле слова есть то же, что «внеличность», т.е. понятие метафизическое [Пешковский 1956: 343]. Неназванность субъекта значима, а действие по определению не может быть бессубъектным. «Двойная бухгалтерия, игра в *qui pro quo* уместна в маскарде или в авантюрном романе, но не в языке, где все системно выражает смысл, если не жертвовать смыслом синтаксической системы, поддаваясь давлению морфологических критериев» [Золотова 2001: 112].

Одночленный пассив с безличным местоимением *it* встречается также и в современном английском языке (*It is said*), однако его, как правило, не рассматривают в системе залоговых форм: английские грамматики различают только двучленную ПК (short passive) и трехчленную ПК (long passive with *by-phrase*) [Biber 2006: 166-167]. Пассивная форма глагола в сочетании с местоимением *it* обладает семантикой, аналогичной рассмотренным формам в немецком и русском языках: она выражает деятельность неопределенного лица, что также выявляется при перефразировании:

(9) *It was announced that the gun would be fired every year on Napoleon's birthday.* (AF) = *They / One / Somebody announced that*

...

Структурным отличием ПК с местоимением *it* в АЯ является её обязательное распространение придаточным предложением (9) или инфинитивом:

(10) *It was resolved to set aside the small paddock behind the orchard as a home of rest for animals who were past work.* (AF)

В семантическом же отношении различия между структурами в языках нет: они не содержат пациенс и являются, таким образом, грамматическим омонимом страдательного залога. Общим для рассмотренных форм во всех трех языках является признак «личность агенса», который выявляется на референциальном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. К определению понятия «залоговость» / А.В. Бондарко / Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб, «Наука», 1991.
2. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке / Г.А. Золотова / Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 107-113.
3. Некрасова И.М. Модальность, безличность, пассивность: из опыта сопоставительного исследования / И.М. Некрасова / Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития. Сб. науч. трудов по итогам межд. научно-практ. конф. (6 ноября 2014 г.). – Красноярск, 2014. – С. 46-48.
4. Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый

- субъект / Е.В. Падучева / Вопросы языкознания. – 2012. – № 1. – С. 27-41.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Гос. учебно-пед. изд-во, 1956. – 597 с.
 6. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – Т. IV. Глагол. – М.: Просвещение, 1977.
 7. Современный русский язык. Ч. II (Морфология. Синтаксис). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1964. – 638 с.
 8. Храковский В.С. Пассивные конструкции / В.С. Храковский / Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб, «Наука», 1991. – С.148-153.
 9. Чейф У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М.: Прогресс, 1975.
 10. Biber D. Longman Student Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Conrad, G. Leech. – Pearson Education Limited, 2006.
 11. Ruzička R. Lexikalische, syntaktische und pragmatische Restriktionen des unpersönlichen Passivs (Eine komparative Etüde) / R. Ruzička // DaF, Leipzig, 1989. – Н.6. – S.350-352.
 12. Starke G. Was ist ein unpersönliches Passiv? / G. Starke / Sprachpflege. – Leipzig, 1985. – Н.5. – S.63-65.
 13. Willmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch-, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch / W. Willmanns. – III. Abteil., 1. u. 2. Aufl. – Strassbourg, K.I. Trübner, 1906.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Паустовский К.Г. Повести / К.Г. Паустовский. – Пермь, 1986. – 396 с. (КП)
Heine H. Ausgewählte Werke in Poesie und Prosa / H. Heine. – М.: Учпедгиз, 1949. С. 55-98. (НН)
Mann Th. Prosa aus fünf Jahrzehnten / Th. Mann. – М.: Прогресс, 1976. – 322 с. (ТМ)
Orwell G. Animal Farm / G. Orwell. – L.: Penquin Books, 2000. – 113 с. (AF)
Seghers A. Das siebte Kreuz. Roman / A. Seghers. – Berlin, 1975. – 451 с. (AS)

**IMPERSONAL PASSIVE:
NEITHER «IMPERSONAL» NOR «PASSIVE»**

I.M. Nekrasova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

The article deals with the so called «impersonal passive» in German in comparison to the English «it-passive» and the construction in Russian (with an omitted subject) formed from intransitive verbs. The semantic analyses brings to light that they can't be considered «passive» as well as «impersonal» due to the «true» agent – a human being, presented on the referential level.

Key words: *impersonal, passive, intransitive verbs, it-passive, construction with a dropped subject, patient, agent, referential level.*

Об авторе:

НЕКРАСОВА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, *e-mail*: nekrasova142008@yandex.ru.